

Подготовка кадров советских историков

По итогам Всероссийской научной конференции «Подготовка кадров советских историков: научно-дисциплинарная и статусная иерархия»

Челябинский государственный университет, 31 мая — 1 июня 2023 г.

(Грант РНФ, проект № 22-28-00557)

Training of Soviet Historians

Following the results of All-Russian Scientific Conference “Training of Soviet historians: scientific, disciplinary and rank hierarchy”, May, 31 — June, 1, 2023
(Grant of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-00557)

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 113–123.

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2023;(2):113-123.

ISSN 2542-0275

Научная статья

УДК 930

doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-113-123

ВЫБОР ЖИЗНЕННЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИЙСКИМИ ИСТОРИКАМИ 1920-Х ГОДОВ: НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА М. В. НЕЧКИНОЙ

Любовь Алексеевна Сидорова

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, lasidorova@rambler.ru

Аннотация. Предметом рассмотрения стала проблема осознания собственной позиции в исторической науке и в окружающих политико-идеологических обстоятельствах, перед которой с первых шагов своей профессиональной деятельности оказалась М. В. Нечкина. От её решения зависела направленность всей дальнейшей карьеры выдающегося историка. Пример М. В. Нечкиной — один из вариантов определения стратегий в науке и в жизни историками России 1920-х гг. Основное внимание обращено на мотивацию сделанного М. В. Нечкиной выбора.

Ключевые слова: историческая наука, политика, идеология, историки-марксисты, историки «старой школы», самосознание историка, психология творчества, М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин, А. Л. Сидоров.

Для цитирования: Сидорова Л. А. Выбор жизненных и профессиональных приоритетов российскими историками 1920-х гг.: начало научной деятельности академика М. В. Нечкиной // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 113–123. URL: <https://www.magistravitae-journal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-113-123*

Original article

CHOICE OF LIFE AND PROFESSIONAL PRIORITIES BY RUSSIAN HISTORIANS OF THE 1920S: THE BEGINNING OF THE SCIENTIFIC ACTIVITY OF ACADEMICIAN M. V. NECHKINA

Lyubov A. Sidorova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lasidorova@rambler.ru

Abstract. The work considers the problem of understanding one’s own position in historical science and in the surrounding political and ideological circumstances, which, from the first steps of her professional activity, M. V. Nechkina faced with. The direction of the entire future career of the outstanding historian depended on her decision. M. V. Nechkina case is one of the options for defining strategies in science and life by historians of Russia in

the 1920s. The main attention is paid to the motivation of M. V. Nechkina's choice in the new conditions for the development of historical science in Soviet Russia. In addition to clearly and early formulated by M. V. Nechkina desire to become a professor of history, which she was obsessed with from her first university years, the choice of a career as a Marxist historian was determined by a number of circumstances in her personal life, the main of which were the expulsion of her loved one from Russia and the death of her father. It was the events of late 1922 and 1923 that finally determined the vector of her professional career, accelerating her move to Moscow and entry into the community of Marxist historians. The research based mainly on the personal documents of M. V. Nechkina, especially her personal diaries and correspondence.

Keywords: historical science, politics, ideology, Marxist historians, historians of the “old school”, self-awareness of a historian, psychology of creativity, M. V. Nechkina, N. M. Druzhinin, A. L. Sidorov

For citation: Sidorova LA. Choice of Life and Professional Priorities by Russian Historians of the 1920s: the Beginning of the Scientific Activity of Academician M. V. Nechkina. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2023;(2):113-123. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-113-123

Наступивший XX век был ознаменован сложными и неоднозначными поисками в сфере духовной культуры и гуманитарных наук, которые явились предвестниками грядущих глубоких идеологических, социально-политических и экономических потрясений. Российские историки 1920-х гг. были поставлены перед необходимостью определения/переосмысления своих жизненных и профессиональных приоритетов. Это относилось в равной мере к каждому из двух основных поколений историков, творчество которых продолжалось или начиналось в первые послереволюционные годы. И историки «старой школы», и молодые историки-марксисты должны были найти своё место в том быстро менявшемся мире, определить своё отношение к нему самому и методам его познания.

Сложившуюся в сообществе советских историков 1920-х гг. ситуацию очень точно передал Николай Михайлович Дружинин (1886–1986), в те годы ещё только начинавший свою научную карьеру, которая была прервана сначала Первой мировой, а затем Гражданской войной. Его впечатления человека, связанного и одновременно несколько отстранённого от каждого из поколений-антагонистов, заслуживают особого внимания [Сидорова, 2017].

Одиннадцатого июля 1920 г. Николай Михайлович написал, что он по-прежнему «живёт среди двух противоположных и враждебных течений». Первым из них он назвал «культурную, но реакционную среду» профессуры Московского университета. Её он определил как «подавленную, но скрыто протестующую, нетерпимую в своём отрицании современности и близорукую в своей оценке переживаемого момента».

Это утверждение относилось, в частности, к С. В. Бахрушину, М. М. Богословскому,

С. Б. Веселовскому, хотя есть все основания полагать, что оно было справедливо и вне стен Московского университета. Высказанное Н. М. Дружининим мнение в равной степени характеризовало состояние умов и настроения большинства историков «старой школы».

Второе течение Н. М. Дружинин связывал со своим «большевистским» окружением, с марксистским направлением в советской исторической науке. Эта сфера, по его мнению, «полная жизни и силы, властная и поработочающая, разрывающая со старой культурой и стремящаяся творить новую жизнь среди коммунистов, беспощадно-нетерпимая ко всякому иному течению», была антиподом первой.

Раскрывая эту кардинальную особенность советской исторической науки и сообщества советских историков — деление на две силы, делавшее другие различия внутри них не столь значимыми, Николай Михайлович задумался над тем, к какой же из них принадлежал он сам. «Я связан с обеими, в обеих ценю их творческие начала, но одинаково далёк от их односторонности, узости и нетерпимости»¹, — таков был его вывод. Он не принимал самоизоляции «старой профессуры», хотя по своему происхождению и образованию был к ней ближе, чем к представителям историков-марксистов.

Одновременно ему претил «...разрушительный лик российского коммуниста — лик сокрушающей борьбы, насилия и террора, охватывающий в своём движении весь земной шар»². Однако даже при столь резкой оценке он видел в нём, в том числе и в историках-марксистах, созидательные начала.

¹ Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1996. С. 89.

² Там же. С. 90.

Необходимость поиска более совершенных и отвечающих запросам своего времени методов исторического исследования была осознана в отечественной исторической науке ещё на рубеже XIX–XX вв. Труды таких историков, как А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев и др., свидетельствовали об интенсивности и плодотворности этих исканий.

Особенно остро потребность в новых исследовательских подходах ощутили молодые историки, которые вступили на профессиональную стезю в 1920-е гг.

Поиску и выбору исследовательских основ научной деятельности посвящены многие строки в личных дневниках будущего академика Милицы Васильевны Нечкиной (1899–1985). В 1917–1921 гг. она училась на историческом отделении историко-филологического факультета Казанского университета, затем была оставлена там для приготовления к профессорскому званию под руководством профессора Н. Н. Фирсова, ученика В. О. Ключевского (научное творчество последнего стало темой исследования М. В. Нечкиной), но в 1924 г. кардинально изменила вектор своей исследовательской деятельности, став вольнослушательницей руководимого М. Н. Покровским Института красной профессуры в Москве, главной кузницы марксистских кадров, и избрав новую исследовательскую тему — историю движения декабристов.

Этот выбор был предопределён целой цепью событий в её судьбе человека и историка, которая привлекает внимание многих современных исследователей и публикаторов наследия М. В. Нечкиной, среди которых А. Н. Бикташева (Гребенкина) [Гребенкина, 1992; Бикташева 2022], П. В. Шевелева [Шевелева, 2008], Я. А. Ярославцев [Ярославцев, 2010], Е. Р. Курапова [Курапова, 2013], Е. Ю. Чёрная [Чёрная, 2014], В. Г. Бухерт [Бухерт, 2021], З. А. Исмаилова и А. М. Дубровский [Исмаилова, 2018; Дубровский, Исмаилова, 2021], В. В. Тихонов [Тихонов, 2018; 2019], А. А. Королева [Королева, 2022] и др. В настоящей статье главным предметом рассмотрения являются основания для сделанного М. В. Нечкиной выбора своего пути в профессии и жизни.

Сохранённые Милицей Васильевной для будущих поколений историков личные дневники являются уникальным историческим источником. Их анализ был предпринят в рамках всё отчётливее заявляющего о себе в последние годы нового жанра «сентиментальной», или «лирической историографии» [Нарский И. В., Нарская Н. В., 2022].

Признавая известную степень субъективности такого прочтения личных документов именитого историка, в котором подход к ним как к особому виду исторического источника не ограничивает полёта исследовательской мысли, полагаю, что именно на этом пути возможно найти всестороннее объяснение и достичь понимания сложной судьбы М. В. Нечкиной — историка и человека.

С первых университетских дней Милицей Васильевной владело желание найти свой путь в исторической науке и соответствовавшие ему методологические начала. М. В. Нечкина стремилась максимально полно и досконально проанализировать проблемы, над которыми работала, изучая исторические источники и литературу. Она установила для себя непреложное правило: брать «не одну какую-нибудь книгу, а много, по возможности всё главное, что написано по этому вопросу»¹.

Семнадцатого апреля 1918 г., осмысливая опыт первого года учёбы в университете, Милица Васильевна отметила происходившую в ней трансформацию её представлений об исторической науке: «Я полна жажды работы, красивой, творческой. В голове всё время рождаются темы для разных исследований и размышлений. Тихонько рушатся старые подгнившие взгляды, и незаметно, и быстро, как в сказке, новые занимают их место — новые, гордые, стройные, упругие, полные нервов и жизни»².

Милица Васильевна много рассуждала о своём понимании задач и методов исторической науки. «Вся трагедия нашей науки состоит в том, — писала она 6 ноября 1919 г., — что в ней масса противоположных мнений кажется одинаково возможной. В ней есть страшная возможность доказывать и утверждать противоположное. И сейчас же, во время записи, в мысли приходит вопрос о методологическом основании. Прямо тоска по методу поднимается в душе. И, главное, не по тому методу, который даётся профессорами на практических занятиях, а по какому-то другому. Тот метод, который преподносят нам, даёт возможность доказать противоположное. Я всё это ещё очень смутно сознаю, но знаю, что меня не удовлетворяет он, что мне хочется чего-то другого»³.

¹ «И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М. В. Нечкиной / отв. ред. Е. И. Пивовар; вступ. ст. и коммент. Е. Р. Курапова. М. : РГГУ, 2013. С. 102.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 103.

Через год, 27 ноября 1920 г., её оценка университетской профессуры стала предельно резкой: «Каста, мертвечина и личные счёты», — так она отозвалась о ней в дневнике. Столь эмоциональная критика «профессорской науки» и её деятелей, которые стали казаться Милице Васильевне сковывавшими её творческие замыслы, имела и более личную подоплёку. Последней и самой значимой каплей, вызвавшей столь жёсткие определения, стало известие, что «работа Дитякина о ломбардских городах “признана неудовлетворительной”»¹. Именно после этой фразы и последовало столь негативное определение.

Здесь надо дать некоторые пояснения. Валентин Тихонович Дитякин (1896–1956) окончил историко-филологический факультет Казанского университета в 1917 г. и был оставлен при университете для подготовки к получению профессорского звания. С его именем для Милицы Васильевны было связано «что-то вроде первой любви, благословившей первый курс», о чём упомянуто в той же дневниковой записи. Противопоставляя дух университета его профессуре, она заметила: «Всегда любила в университете именно коридоры, лестницы и библиотеки»¹. В. Т. Дитякин стал убеждённым приверженцем и проводником идей исторического материализма в исторической науке и вёл в университете философский марксистский кружок, который посещала Милица Васильевна.

Приведённая цепочка суждений М. В. Нечкиной позволяет заметить, что её «растущее убеждение в шаткости» исторического метода историков «старой школы» и осознание «необходимости работать как-то иначе» было вызвано желанием обрести единственно верное, истинное знание. Этот путь, как ей виделось, пролегал через изучение «сначала политической экономики, потом теории экономического материализма», «во имя утверждения методических приёмов, по которым я тоскую»², — заключала она.

Первого июля 1920 г. М. В. Нечкина подвела промежуточный итог своему освоению новой методологии исторического исследования: «Для меня открылся в истории целый мир после знакомства с экономическим материализмом. Я как будто прозрела. Я поняла, что такое процесс, и увидела его там, где раньше видела или пустоту, или личность»³.

¹ «И мучилась, и работала невероятно». Дневники М. В. Нечкиной. С. 120.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 113–114.

Очень рано М. В. Нечкина задалась главным в любой исследовательской деятельности вопросом: «Как познавать мир?» Отвечая на него, молодой историк в канун наступавшего 1922 г. написала: «Как всегда — на первом плане метод: не что, а как»⁴. Понимание приоритета исторического источника, а не его интерпретации пришло к М. В. Нечкиной в процессе занятий итальянской живописью эпохи Возрождения. «Я больше всего ценю источник, а не его разработку, — такой вывод Милица Васильевна сделала 19 ноября 1920 г. и конкретизировала его: — Как бледен томик Роллана “Жизнь Микеланджело”⁵ перед подлинником. Зачем вообще писать характеристики, если существуют дневники и письма?»⁶

Экономический материализм привёл её к школе М. Н. Покровского, о чтении «чудных, живых страниц пятитомной истории»⁷ которого она сообщила 17 июня 1920 г.⁸ В 1922 г. в Казани увидела свет её первая книга — «Русская история в освещении экономического материализма: историографический очерк», в которой она с позиций этого научного подхода анализировала труды отечественных историков по истории России. Важно подчеркнуть, что стимулом в работе над монографией была не политико-идеологическая конъюнктура, которую она, тем не менее, не могла не учитывать. Проведённое исследование в большей степени свидетельствовало о «марксистском искусстве», который овладевал М. В. Нечкиной.

Вместе с тем дневники Милицы Васильевны, которые она вела в Казани, дают возможность заметить её определённую дистанцированность от общего потока марксистского направления в исторической науке. Она не воспринимала марксизм как догму и могла быть очень строгим критиком его вульгаризации. Так, 22 декабря 1922 г., прочитав отдел о государстве в «Справочной книжке марксиста», автором которой был И. В. Чернышев⁹, и вообще просмотрев всю книгу, она была крайне раздосадована низким уровнем этого издания, пусть и не претендовавшего

⁴ «И мучилась, и работала невероятно». С. 134.

⁵ Имеется в виду книга Р. Роллана «Жизнь Микеланджело» (1907) из его цикла работ, посвящённых великим деятелям литературы и искусства.

⁶ «И мучилась, и работала невероятно». С. 118–119.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Речь идёт о труде М. Н. Покровского: Покровский М. Н. Русская история с древнейших времён. Тт. 1–5. М., 1910–1913.

⁹ Чернышев И. В. Памятная книжка марксиста. 2-е изд. Петроград: Жизнь и знание, 1917. 319 с.

на научность, и позволила себе оставить такую эмоциональную запись: «Боже, до чего убого в науке всё то, что исходит от марксизма!»¹

Её собственные первые марксистские работы отличало творческое отношение к этой новой методологической основе, образное её восприятие, равноправие анализа и синтеза. В 1927 г. к 60-летию выхода в свет первого тома «Капитала» К. Маркса она опубликовала в журнале «Печать и революция» работу под говорящим названием — «“Капитал” Карла Маркса как художественное целое»².

Особое значение в изучении прошлого М. В. Нечкина придавала психологии, обнаруживая скрытые на первый взгляд пружины в деятельности исторических личностей. Здесь сказались и её увлечение захватившими мир на рубеже XIX–XX вв. идеями З. Фрейда. Она читала его труды, входила кружок по изучению З. Фрейда, который был организован выпускником Казанского университета А. Р. Лурией³. Её участие в нём не было пассивным: 22 ноября 1922 г. она ««скрепя сердце» начала готовить доклад в психоаналитический кружок».

М. В. Нечкина уступила просьбе А. Лурии («Шурка умоляет сделать доклад, иначе завтрашнее заседание провалится»), хотя это нарушало строй её работы: «Нелепо отрываюсь от Ключевского со страшной неохотой, т. к. все мысли сосредоточены на нём, а не на Фрейде», — написала она. Ей предстояло выступить по книге знаменитого австрийского психолога «Лекции по введению в психоанализ».

Вторую половину следующего дня Милица Васильевна «готовилась к ненавистному докладу о Фрейде». В семь часов вечера заседание состоялось, и она прочитала подготовленный по книге реферат и «сделала своё довольно длинное добавление о расширении материала изучения сферы подсознательного через воплощение эмоций, в частности (как частный случай!), искусство»⁴. Она поделилась со слушателями накопленными ею знаниями и впечатлениями от изучения и преподавания истории искусства.

¹ «И мучилась, и работала невероятно». С. 241.

² Нечкина М. В. «Капитал» Карла Маркса как художественное целое: К 60-летию выхода в свет 1 т. «Капитала» // Печать и революция. 1927. Кн. 5. С. 5–21.

³ Лурия Александр Романович, 1902–1977. Психолог и невропатолог, один из основателей нейропсихологии. Профессор (1944), доктор медицинских наук (1943).

⁴ «И мучилась, и работала невероятно». С. 237.

Причины «неохоты» вполне понятны. В то время Милица Васильевна была погружена в работу над исследованием о В. О. Ключевском. Она старалась откладывать все возникавшие дела, напрямую с ним не связанные. Иногда ей всё же приходилось делать исключения, и они были бесполезны, как это явствует из её появившейся много позже и ставшей классической монографии «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества» (М.: Наука, 1974). Изучение психологии и психоанализа обогатило творческий арсенал Милицы Васильевны: без этого знания столь глубокое проникновение в природу исследовательской деятельности историка было бы невозможно. Это является ещё одним подтверждением справедливого вывода В. В. Тихонова, что именно в итоговом труде 1974 г. М. В. Нечкина «в наибольшей степени сумела реализовать исследовательскую модель, в центре которой оказывается личность историка» [Тихонов. Ключевскиада, 2019, с. 247]. Современные исследователи творчества В. О. Ключевского, предлагая к изучению новые стороны в деятельности учёного, обращаются к созданному М. В. Нечкиной образу историка, его психологическому портрету [Алеврас, 2022, с. 400–405].

Начало научной деятельности историка Милицы Нечкиной пришлось на переломные годы в жизни России. В её мир властно вторглась жизнь реальная, со всем трагизмом, тяготами и лишениями Гражданской войны, выведившая её за привычный круг общения. «Куда делась моя прежняя, вся осенённая стихами, любовью, наукой созерцательная жизнь?»⁵ — спрашивала она себя 30 сентября 1919 г. Являясь в то время секретарём объединённого совета книжных бюро вузов г. Казани⁶, Милица Васильевна сталкивалась с людьми самых разных взглядов, и ей неожиданно оказалась дорога возможность оказаться в новом для неё окружении людей, «верящих в свою победу».

В это время М. В. Нечкина не причисляла себя ни к сторонникам, ни к противникам пролетарской диктатуры. Она писала, что «не в силах ещё верить в какую-нибудь борьбу». Победа большевиков была для неё «их победой». Одновременно в своём дневнике она призналась: «Все наши большевики хорошо относятся ко мне, это мне почему-то дорого»⁷.

На втором курсе университета М. В. Нечкина «поступила на работу в военное учреждение» —

⁵ «И мучилась, и работала невероятно». С. 100.

⁶ Там же. С. 592.

⁷ Там же. С. 100.

это была её «первая в жизни “служба”». «Числилась я вольнонаёмной и формы не носила, но имела воинский пропуск библиотекаря-культурника Вещбазы № 2 Запасной армии республики», — вспоминала она об этом много лет спустя.

Библиотека была совсем небольшой — «два небольших книжных шкафа, газеты; читатели — чаще всего служащие данного учреждения». М. В. Нечкиной запомнился один эпизод, который она подробно пересказала. Понимая, что лучше Милицы Васильевны этого не сделать, приведу её рассказ целиком. «Гражданская война ещё пылает. Донбасс ещё занят белыми... И вот входит ко мне в библиотеку молодой красноармеец в полной форме, при оружии: “Завтра направляемся на фронт освобождать от белых наш Донбасс — каменный уголь нужен пролетариям для фабрик и заводов. Всё положенное я получил, но вдруг чувствую: важного не хватает — и к вам в библиотеку. Не знаю я, откуда это в земле каменный уголь, из чего произошёл, как природно устроен... Может, у вас книжка есть, что такое, что он такое есть...”»

«В бедной библиотеке, — продолжила своё повествование М. В. Нечкина, — кое-что нашлось». Мобилизовала она «и все свои познания: и гимназические, и от отца-инженера, порылась и в словаре». Красноармеец «ушёл довольный, с какой-то брошюркой». А сама Милица Васильевна была потрясена тем, что «война идёт, солдат едет освобождать Донбасс и не забыл о науке, забежал в библиотеку — надо было узнать, что ж это такое по природе — откуда взялся, почему горит, как появился в земле...». Её удивление и восхищение было настолько сильным, что в тот же вечер в университете, на заседании студенческого кружка, который носил название «кружок текущих мыслей», где его участники делились возникавшими у них идеями и размышлениями, она сделала доклад о «своём замечательном посетителе». Рассказ М. В. Нечкиной нашёл живой отклик у участников кружка: «Случай был с виду незначительный, а потряс студенческие души»¹.

Такие факты формировали отношение юной Милицы Нечкиной к сторонникам и деятелям произошедшего социального переворота. Красноармейцы, которые грелись в соседнем с её библиотекой помещении, были в её глазах окружены ореолом страстотерпцев. Одиннадцатого января 1921 г. она написала: «Я всегда опускаю перед

¹ Нечкина М. В. Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки / отв. ред. акад. А. М. Самсонов. М.: Наука, 1985. С. 34.

ними глаза, когда прохожу мимо. Мне глубоко стыдно. Они — святые, они герои такого терпения, о котором можно рассказывать в сказках». Далее следовали слова, выделенные особо и написанные как бы для утверждения себя самой в этой мысли: «Я очень люблю красноармейцев»².

Комментируя эти фразы в 2014 г. в статье, посвящённой только что вышедшим тогда из печати дневникам именитого историка, я написала, что «почему-то именно от этого подчёркивания рождаются сомнения в искренности этих её слов» [Сидорова, 2014, с. 162]. Продолжая вчитываться и вдумываться в дневниковые записи М. В. Нечкиной, сопоставляя их с другими материалами о её жизни, становится понятнее вся сложность сделанного ею выбора. Искренно чувство, побудившее её написать эту фразу. Но сами слова говорят, скорее, о том, чего ещё не было, но что ей хотелось бы обрести, оттого и выглядят так нарочито, вызывая известную долю недоверия.

В университетские годы Милица Васильевна — не только начинающий исследователь, но и поэт, увлечённый и очарованный образами русской поэзии Серебряного века. Стихи его знаменитых представителей она читает и перечитывает, многие знает наизусть, а с какими-то и спорит. Начало приведённой выше фразы отсылает к стихотворению М. И. Цветаевой, написанному 4 декабря 1917 г. под впечатлением одного из событий революционной смуты в Крыму — октябрьского феодосийского «винного бунта»:

*Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опуцу.
Город буйствует и стонет,
В винном облаке — луна.*

А меня никто не тронет:

Я надменна и бедна. [Саакянц, 1986, с. 53].

Милица Васильевна в своей дневниковой записи словно бы отвечает лирической героине М. Цветаевой, психологически отторгавшей себя от революционной стихии.

В конце 1921 и в 1922 г. отношению М. В. Нечкиной к большевикам предстояло пройти через большие испытания. В ноябре 1921 г. был арестован и провёл несколько дней в заключении её отец, Василий Иванович Нечкин (1873–1923), в то время профессор Казанского политехнического института, а в следующем году был аре-

² «И мучилась, и работала невероятно». С. 123.

стован и затем выслан из России профессор Казанского университета, психолог и невропатолог Г. Я. Трошин (1874–1938), которого Милица Васильевна любила. Ходатайствуя об освобождении отца, а потом Г. Я. Трошина, она обращалась к своим «знакомым коммунистам и разным влиятельным людям»: «Все обещают, успокаивают. Но сделают ли что-нибудь? Они все любят со мной встречаться, смеяться, болтать, говорить как с “поэтессой”, провожать до дому, — писала М. В. Нечкина и восклицала: — Господи, как страшно чувство бессилия»¹.

Пережитые события привели Милицу Васильевну к внезапному осознанию: в отличие от своего отца и Г. Я. Трошина — людей, с которыми её разделяла четверть века, она, испытывая страшную тревогу и отчаяние, не ощутила чувства обиды, которым был «весь наполнен» вернувшийся из заключения домой В. И. Нечкин² или Г. Я. Трошин, признавшийся в своём письме к М. В. Нечкиной, что ему после всего пережитого «хочется ехать за границу»³. Милица Васильевна отметила, что обида перешла в разряд устаревших эмоций: это было «чувство, свойственное людям прежнего времени и уже чуждое нам»⁴.

Объясняя это состояние М. В. Нечкиной, уместно сослаться на тонко подмеченное литературоведом А. А. Саакянц — крупнейшим знатком творчества М. И. Цветаевой — наблюдение, сделанное ею в исследовании о жизни и творчестве поэта: «Время, не спрашивая, входило в Цветаеву, независимо от её воли и настроения... А кроме всего прочего, она была ещё слишком молода, чтобы относиться к событиям непримиримо и трагически, как относился к ним, например, сорокасемилетний Иван Бунин⁵, всё понявший и ничего не простивший — ни тогда, ни потом...» [Саакянц, 1986, с. 53].

Изменившиеся обстоятельства жизни — революция и Гражданская война, создавшие новые условия во всех сферах жизни страны, в том числе и в науке и преподавании, аресты близких М. В. Нечкиной людей, а затем отъезд за границу Г. Я. Трошина и внезапная смерть отца не мог-

ли не внести элементов конформизма в поведенческие стратегии начинавшего историка, побудить её открыть новую страницу в своей творческой и личной биографии, которая начиналась с поступлением в Институт красной профессуры.

В недавно опубликованной статье А. А. Сальниковой и С. Ю. Малышевой, посвящённой выбору жизненной и профессиональной позиции в первые годы советской власти четырьмя профессорами Казанского университета — Н. Н. Фирсовым (1864–1933), П. Г. Архангельским (1884–1921), В. И. Огородниковым (1889–1938) и С. А. Пионтковским (1891–1937), которых М. В. Нечкина хорошо знала, а у первых трёх и училась, поставлен вопрос о том, помог ли конформизм стать им «своими» в исторической науке советской России. Авторы ответили на него отрицательно [Сальникова, Малышева, 2022, с. 339]. Разделяя высказанную точку зрения в отношении Н. Н. Фирсова, П. Г. Архангельского и В. И. Огородникова и с определёнными оговорками в случае С. А. Пионтковского, карьера историка-марксиста которого была довольно успешной, хотя и завершилась трагически репрессиями 1937 г., посмотрим в этом ключе на судьбу в профессии М. В. Нечкиной: насколько ей удалось стать «своей» в сообществе молодых историков-марксистов?

Определённо можно сказать, что в 1920-х гг. между нею и этой частью профессиональной среды существовала дистанция, ощущавшаяся каждой из сторон. Сделавшая в 1924 г. свой выбор и став вольнослушательницей Института красной профессуры, Милица Васильевна предпринимала шаги к тому, чтобы вписаться в новый круг общения, в котором её не спешили признать «своей». Об этом в своих воспоминаниях упомянул А. Л. Сидоров⁶, повествуя о существовавшей у слушателей семинара М. Н. Покровского традиции, когда они после обсуждения доклада одного из участников шли в пивную на Зубовской площади и докладчик угощал всех бутылкой пива с сосисками и мочёным солёным горошком.

⁶ Сидоров Аркадий Лаврович, 1900–1966. Историк. Окончил Коммунистический университет им. Свердлова (1923), Институт красной профессуры (1928). С 1929 по 1936 г. — на партийной работе. С 1936 г. — на научной и преподавательской работе в Институте истории АН СССР (1953–1959 гг. — директор) и МГУ. Участник Великой Отечественной войны. Доктор исторических наук (1943), профессор (1946). Директор Института истории АН СССР (1953–1959).

¹ «И мучилась, и работала невероятно». С. 131.

² Там же. С. 133.

³ «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни». Письма к М. В. Нечкиной. 1923–1927 гг. // Исторический архив. 2007. № 6. С. 115.

⁴ «И мучилась, и работала невероятно». С. 133.

⁵ Бунин Иван Александрович, 1870–1953. Русский писатель, поэт и переводчик.

Показательно, что за сорок лет, отделявших рассказ А. Л. Сидорова от периода обучения в ИКП, его удивление, что к ним иногда «присоединялась и вторая дама — М. В. Нечкина», не пропало (заметим, что первая из названных женщин — «ленинградка, довольно миловидная женщина т. Петрова» — однозначно признавалась «своей» и поэтому была названа просто «слушательницей»). Изумление прямо-таки сквозило в словах Аркадия Лавровича: «“Опрощение” и “народничество” “казанской помещицы”, так язвительно называл М. Н. Покровский Милицу Васильевну в своей среде, доходило до того, что она вместе с нами ходила в пивную».

А. Л. Сидоров вспоминал, что «особых симпатий она в нашей среде не вызывала, особенно, когда выяснилось, что в своём изданном в Казани опусе по историографии её симпатии были на стороне Струве, а Ленина она отказывалась даже считать учёным. Я далёк от мысли, чтобы обыгрывать грех молодости Милицы Васильевны, но впечатления молодости остры и забывать об этом тоже нельзя, тем более что и позднее Милица дала не один пример того, что легальный марксизм как методология ей много ближе и приятнее, чем революционный марксизм»¹.

Думается, что и сама М. В. Нечкина едва ли полностью освоилась в этой компании будущих «красных профессоров». По крайней мере в январе 1924 г., которым датированы два письма к ней А. И. Никифорова², через которого она послала С. Ф. Платонову³ свою первую монографию «Русская история в освещении экономического мате-

риализма» и который передал ей лестный устный отзыв на неё авторитетного историка⁴, её корреспондент числил Милицу Васильевну в своих единомышленниках, описывая, как все его «университетские товарищи или определённо встали в ряды “красной профессуры”, т. е. польстились на дешёвые хлеба и взялись за лекции без всякой квалификации, или стали в балансирующее положение, очевидно, выжидая, куда лучше примазаться»⁵.

Но Милицу Васильевну никак нельзя было отнести к категории «примазавшихся», что с очевидностью не имел в виду и А. И. Никифоров, написавшей ей о своих однокашниках. Внутренняя мотивация юной Милицы Нечкиной к сделанному ею в 1924 г. выбору жизненных и профессиональных приоритетов, определившему в конечном счёте её научную карьеру и личную судьбу, имела в своей основе реальные жизненные обстоятельства и желание осуществить своё заветное желание — стать профессором истории, о котором она неоднократно говорила в своём дневнике.

Путь М. В. Нечкиной в отечественной исторической науке, который она в письме к Л. В. Черепнину⁶, благодаря за участие в своём 75-летнем юбилее, назвала трудным⁷, и который в итоге привёл её в элиту советских историков, коренным образом не изменил её научных приоритетов, хотя и требовал от неё учёта политико-идеологической конъюнктуры. Они по-прежнему определялись прежде всего исследовательским талантом Милицы Васильевны, феноменальными способностями по освоению источников и литературы, владением лучшими традициями российской историографии и стали прочным основанием её успеха в науке.

¹ Сидоров А. Л. Институт красной профессуры // Мир историка: историографический сборник. Вып. 1. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 381–382.

² Никифоров Александр Исаакович, 1893–1942. Филолог и этнограф, фольклорист. Выпускник Петроградского университета (1917). С 1919 г. преподавал в Казани, затем работал в научно-исследовательских учреждениях и преподавал в вузах Ленинграда. В 1941 г. защитил докторскую диссертацию «“Слово о полку Игореве” — былина XII века».

³ Платонов Сергей Фёдорович, 1860–1933. Историк, академик (1920). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1882). С 1899 г. — профессор Петербургского университета, директор Пушкинского дома Института русской литературы АН СССР (1925–1929) и Библиотеки АН СССР (1925–1928). Осуждён по Академическому делу.

⁴ «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни». С. 118–119.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Черепнин Лев Владимирович, 1905–1977. Историк. Окончил МГУ (1925). Доктор исторических наук (1947). Профессор истфака МГУ (1947). 1930–1933 гг. — арест и ссылка. 1936–1941 гг. — сотрудник Института истории АН СССР. С 1946 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР, зав. сектором истории СССР периода феодализма (с 1951 г.).

⁷ История в человеке: академик М. В. Нечкина : документальная монография / отв. ред. Е. Л. Рудницкая, С. В. Мироненко. М. : Новый хронограф, 2011. С. 757.

Список литературы

1. Алеврас Н. Н. Магистерская диссертация В. О. Ключевского: самооценки историка и восприятие в истории историографии // Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX — начало XX в) : коллективная монография / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. С. 393–405.
2. Бикташева А. Н. К биографии академика М. В. Нечкиной: обзор источников казанского периода жизни // Путь историка : сборник статей памяти доктора исторических наук Евгении Львовны Рудницкой. М. : Институт российской истории, 2022. С. 256–277.
3. Бухерт В. Г. Предисловие // Академик М. В. Нечкина. Из творческого наследия / сост. В. Г. Бухерт. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. С. 3–27.
4. Вандалковская М. Г., Дунаевский В. А. Краткий очерк научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности // Милица Васильевна Нечкина : материалы к библиографии учёных СССР. М. : Наука, 1987. С. 8–34.
5. Гребенкина А. Н. Научно-педагогическая деятельность М. В. Нечкиной в начале 20-х годов (Казанский период) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992.
6. Дубровский А. М., Исмаилова З. А. Милица Васильевна Нечкина (1899–1985). Брянск : Изд-во ИП Худовец Р. Г., 2021. 184 с.
7. Исмаилова З. А. Творческие искания М. В. Нечкиной в 1917–1923 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3 (37). С. 76–85.
8. Корзун В. П., Сидорова Л. А. Новые краски к портрету Милицы Васильевны Нечкиной // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2023. Вып. 83. С. 353–358.
9. Королева А. А. «Барышня-профессор»: казанский период жизни М. В. Нечкиной // Гуманитарный акцент. 2022. № 4. С. 83–96.
10. Курапова Е. Р. Милица Васильевна Нечкина: образ в истории // «И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М. В. Нечкиной / отв. ред. Е. И. Пивовар; вступ. ст. и коммент. Е. Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. С. 7–58.
11. Нарский И. В., Нарская Н. В. Ещё раз о «лирической историографии»: три случая из опыта исследовательской авторефлексии // Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О. В. Воробьевой. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2022. С. 29–60.
12. Саакянц А. А. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества (1910–1922). М. : Советский писатель, 1986. 349 с.
13. Сальникова А. А., Малышева С. Ю. «Чужие?»: Историки Казанского университета в первые годы советской власти // Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О. В. Воробьевой. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2022. С. 323–343.
14. Сидорова Л. А. Советская историческая наука в лицах: академик М. Н. Нечкина // Российская история. 2014. № 6. С. 158–169.
15. Сидорова Л. А. Советские историки: духовный и научный облик. М. ; СПб. : ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с.
16. Тихонов В. В. Тоска по методу: М. В. Нечкина и её первая монография «Русская история в освещении экономического материализма» // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 199–212.
17. Тихонов В. В. «Ключевскиада» М. В. Нечкиной // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2019. Вып. 66. С. 238–248.
18. Тихонов В. В. Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, № 1. С. 256–265.
19. Чёрная Е. Ю. Милица Васильевна Нечкина — историк отечественной исторической науки : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2014.
20. Шевелева П. В. Молодость историка (Начало жизненного и профессионального пути М. В. Нечкиной) // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008. С. 76–118.
21. Ярославцев Я. А. Милица Нечкина: литературно-психологический очерк. М. : Новый хронограф, 2010. 128 с.

References

1. Alevras NN. Magisterskaya dissertaciya V. O. Klyuchevskogo: samoocenki istorika i vospriyatie v istorii istoriografii = Master's thesis by V. O. Klyuchevsky: self-assessments of a historian and perception in the history of historiography. *Dissertacionnaya kul'tura rossijskogo istoriko-nauchnogo soobshhestva: opyt i praktiki podgotovki i zashhit dissertacij (XIX—nachalo XX v): kollektivnaya monografiya = Dissertation culture of the Russian historical and scientific community: experience and practice of preparing and defending dissertations (19th — early 20th centuries): collective monograph*. Ed. by NN Alevras, NV Grishina. Moscow; St. Petersburg, 2022. Pp. 393–405. (In Russ.).
2. Biktasheva AN. K biografii akademika M. V. Nechkinoy: obzor istochnikov kazanskogo perioda zhizni [To the biography of Academician M. V. Nechkina: a review of the sources of the Kazan period of life]. *Put' istorika. Sbornik statej pamyati doktora istoricheskix nauk Evgenii L'vovny' Rudniczkoj = The Way of the Historian. Collection of articles in memory of Doctor of Historical Sciences Evgenia Lvovna Rudnitskaya*. Moscow, Institut rossijskoj istorii, 2022. Pp. 256–277. (In Russ.).
3. Bukhert VG. Predislovie = Foreword. *Akademik M. V. Nechkina. Iz tvorcheskogo naslediya = Academician M. V. Nechkina. From creative heritage*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2021. Pp. 3–27. (In Russ.).
4. Vandalkovskaya MG, Dunaevskij VA. Kratkij ocherk nauchnoj, nauchno-organizacionnoj, pedagogicheskoy i obshhestvennoj deyatel'nosti = Brief essay on scientific, scientific, organizational, pedagogical and social activities. *Militsa Vasil'evna Nechkina. Materialy k bibliografii ucheny'x SSSR = Militsa Vasilievna Nechkina. Materials for the bibliography of scientists of the USSR*. Moscow, Nauka, 1987. Pp. 8–34. (In Russ.).
5. Grebenkina AN. Nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' M. V. Nechkinoy v nachale 20-x godov (Kazanskij period) = Scientific and pedagogical activity of M. V. Nechkina in the early 1920s (Kazan period). Thesis abstract. Kazan', 1992. (In Russ.).
6. Dubrovskij AM, Ismailova ZA. *Militsa Vasilievna Nechkina (1899–1985) = Militsa Vasilievna Nechkina (1899–1985)*. Bryansk, 2021. 184 p. (In Russ.).
7. Ismailova ZA. Tvorcheskie iskanija MV Nechkinoy v 1917–1923 gg. = Creative searches of MV Nechkina in 1917–1923. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Bryansk State University*. 2018;(3(37)):76-85. (In Russ.).
8. Korzun VP, Sidorova LA. Novy'e kraski k portretu Militsy Vasil'evny' Nechkinoy = New colors for the portrait of Militsa Vasilievna Nechkina. *Dialog so vremenem. Al'manax intelektual'noj istorii = Dialogue with time. Almanac of Intellectual History*. 2023;(83):353-358. (In Russ.).
9. Koroleva AA. «Bary'shnya-professor»: kazanskij period zhizni M. V. Nechkinoy = The young “lady-professor”: the Kazan period of the life of MV Nechkina. *Gumanitarnyj accent = Humanitarian accent*. 2022;(4):83-96. (In Russ.).
10. Kurapova ER. Militsa Vasil'evna Nechkina: obraz v istorii = Militsa Vasilievna Nechkina: an image in history. *“I muchilas', i rabotala neveroyatno”: Dnevnik M. V. Nechkinoy = “And she suffered and worked incredibly”: M. V. Nechkina's diaries*. Moscow, RGGU, 2013. Pp. 7–58. (In Russ.).
11. Narskij IV, Narskaya NV. Eshhe raz o “liricheskoj istoriografii”: tri sluchaya iz opy'ta issledovatel'skoj avtorefleksii = Once again on “lyrical historiography”: three cases from the experience of research self-reflection. *Professional'naya identichnost' i samosoznanie istorika = Professional identity and self-consciousness of a historian*. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN, 2022. Pp. 29–60. (In Russ.).
12. Saakyancz AA. *Marina Tsvetaeva. Stranicy zhizni i tvorchestva. 1910–1922 = Marina Tsvetaeva. Pages of life and creativity. 1910–1922*. Moscow, Sovetskij pisatel', 1986. 349 p. (In Russ.).
13. Sal'nikova AA, Maly'sheva S Yu. “Chuzhie?»: Istoriki Kazanskogo universiteta v pervy'e gody sovetskoy vlasti = “Strangers?»: Historians of Kazan University in the first years of Soviet power. *Professional'naya identichnost' i samosoznanie istorika = Professional identity and self-consciousness of a historian*. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN, 2022. Pp. 323–343. (In Russ.).
14. Sidorova LA. Sovetskaya istoricheskaya nauka v liczax: akademik M. N. Nechkina = Soviet historical science in faces: Academician M. N. Nechkina. *Rossijskaya istoriya = Russian history*. 2014;(6):158-169. (In Russ.).
15. Sidorova LA. *Sovetskie istoriki: duxovnyj i nauchnyj oblik = Soviet historians: spiritual and scientific appearance*. Moscow; St. Petersburg, IRI RAN; Centr gumanitarny'x iniciativ, 2017. 248 p. (In Russ.).

16. Tikhonov VV. Toska po metodu: M. V. Nechkina i ee pervaya monografiya “Russkaya istoriya v osveshchenii e’konomicheskogo materializma” = Longing by the method: M. V. Nechkina and her first monograph “Russian history in the coverage of economic materialism”. *Magistra Vitae: e’lektronny’j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii* = *Magistra Vitae: an electronic journal for historical sciences and archeology*. 2018;(1):199-212. (In Russ.).

17. Tikhonov VV. “Klyuchevskiada” MV Nechkinoj = “Klyuchevskiada” by M. V. Nechkina. *Dialog so vremenem: Al’manax intellektual’noj istorii* = *Dialogue with Time: Almanac of Intellectual History*. 2019;(66):238-248. (In Russ.).

18. Tikhonov VV. Istorik Militsa Nechkina i kul’turno-intellektual’naya revolyuciya = Historian Militsa Nechkina and cultural and intellectual revolution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* = *Bulletin of St. Petersburg University. History*. 2019;64(1):256-265. (In Russ.).

19. Chernaya EYu. Militsa Vasil’evna Nechkina — istorik otechestvennoj istoricheskoy nauki = Militsa Vasilievna Nechkina — historian of Russian historical science. Thesis abstract. Novosibirsk, 2014. (In Russ.).

20. Sheveleva PV. Molodost’ istorika (Nachalo zhiznennogo i professional’nogo puti MV Nechkinoj) = Historian’s Youth (The Beginning of the Life and Professional Path of M. V. Nechkina). *Mir istorika. Istoriograficheskij sbornik* = *The World of a Historian. Historiographic collection*. Iss. 4. Omsk, 2008. Pp. 76–118. (In Russ.).

21. Yaroslavtcev YaA. Militsa Nechkina: literaturno-psixologicheskij ocherk = *Militsa Nechkina: literary and psychological essay*. Moscow, Novy’j xronograf, 2010. 128 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. А. Сидорова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра «Историческая наука России».

Information about the author

L. A. Sidorova — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center “Historical Science of Russia”.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.